

В Андрее — классического вида бомже, который неизвестно где жил, что пил, трудно было распознать поэта, да ещё и поэта древнегреческого образца — бродячего философа со своими неразрывными сложностью и простоватостью. Поэта-игрока со смертью. А получили мы, что особенно обидно, поэта просмотренного. При том, что он любил внимание и при любой возможности выходил из своих бомжарских катакомб.

Наверное, главная его характеристика — одиночество. Тотальное, противостоящее мельтешению жизни, которое никак не совпадало с его внутренним ритмом, где картины разворачивались медленно и степенно, как у любого эпика. Он требовал вчитывания, а получал его только от нескольких друзей, знающих ему цену.

Конечно, с этим было больно смириться, тем более что из мальчика он превращался в мужа и его поэтический статус никак не совпадал с фактическим (а он уже тянул на заседателя-мэтра, хоть и красноречием не блистал и чужими стихами мало интересовался). Внешне он никогда своей особости и взрослости не показывал, но внутренне его это возмущало. Не то чтобы он надевал на себя маску непризнанного гения — он для этого был слишком умным человеком — это были его отношения с самим с собой: почему не читают, не признают. И когда в Иркутске вышли первые две книжки (одну редактировал Анатолий Кобенков, я — вторую) он очевидно воспрял духом. Но на

этом всё и закончилось, посмертного признания тоже так и не случилось.

Возник Андрей Тимченков (Тимченко) неизвестно откуда — якобы из посёлка Тыреть Иркутской области, где местные бандиты отобрали у него дом, хотя, вернее всего, он его просто пропил, жил в Чечне (но это очень тёмная и смутная страница его биографии). Однажды он выступал в Москве в Литинституте на курсе у Юрия Левитанского. Студенты чуть ли не выгнали его и оскорбляли, и только Левитанский сказал: *«Вот как, ребята, надо писать стихи»*. Далее — совсем что-то невообразимое: он вступает в банду, две отсидки. Самый колоритный случай: просыпается Тимченков утром на квартире, а все его 9 (!) подельников мертвы, только одного его в живых оставили. Такая странная байка из жизни пиратов.

Нельзя сказать, что он совсем не читал — просто книг у него не было. Он сидел на улице Маркса в Иркутске и продавал те, что были. Печатался в местной культовой газете «Советская молодёжь» — всегда бородатый и почему-то в чёрной шляпе. Не скажу, что эти не такие уж частые публикации вызывали фурор.

Работал всегда по утрам, когда просыпался часа в четыре, потом к шести/семи больше писать не мог. Так что пьяным не писал, над строчками не корпел и — ещё — никогда ничего не переделывал.

Его отношения с Анатолием Кобенковым и мной как двумя редакторами его первых книжек делились ровно наполовину: Кобенкова он страшно боялся, меня — страшно ненавидел. Кобенков книжку, собственно, и не составлял: он объединил три поэмы, а я работал с Тимченковым над строчками. Все поправки он отвергал. Во время работы читал различные мантры и нервно ходил туда-сюда по кабинету Дома литераторов (как я понимаю, только чтобы меня не убить), но стоило появиться

Кобенкову, Тимченев убегал или прятался, со всем соглашался, и все правки мгновенно вносились.

Я самонадеянно полагаю, что «моя» (вторая тимченевская) книжка «Пустынное место» (Иркутск, 2004) была гораздо лучше первой, и вот почему. Тимченев как типичный поэт-отшельник не позволял никому вторгаться в его сочинения. А я не просто вторгся, а даже частью их переписал. Для Андрея это была страшная моральная травма — до такой степени, что он отрицал очевидные вещи, в том числе грамматику русского языка. Он никогда не работал с редактурой, а все его опубликованные стихи рассеяны по случайным интернет-изданиям и газетам. Это тоже одно из его свойств — он был как дикорастущая трава, которая сама не знает, откуда растёт.

Кроме того, благодаря этой книжке я стал намного лучше понимать Андрея. В жизни он мог врать напрапалу, провоцировать и молоть ерунду. Настоящий он только в стихах.

Утреннее сердце моё,

ты восходишь, как затяжки желанной кольца...

Шествует «чифир» анализом сновидений.

Смысла не остаётся!

В микрорайоне похмельных пятиэтажек

день заунывен или вернее — протяжен.

Себя обозначить смыслом существования

и не пытайся даже.

Как я понимаю, сегодня собрать стихи Тимченова в более-менее устойчивого вида книжку не представляется возможным. И это в некотором смысле катастрофа. Потому что кто его знает, дождёмся ли мы первого филолога-

тимченоволюба, готового рыскать по газетам допотопной давности. Я в это почти не верю, при том, что мы оставляем за порогом не мир даже, а целую Вселенную — со своими (порой дикими) законами, но организованную и населённую.

Андрей не любил людей — ничего хорошего они ему не сделали, но так же точно (или жёстче) он судил и себя. Он словно бы отгораживался своей поэтической волей, которую вернее всего определить как космологическую, визионерскую, от той грязи, безнадёжности и тоски, откуда выскрёбывал для стихов по дню, по часу. Он сам прекрасно осознавал, что жизнь его скоро закончится, поэтому и проживал её где-то между явью и воображением, которое было убедительней стократ. И, если хотите, стихи его именно об этом — о неприятии *такой* реальности, но парадоксально написанные безо всяких иллюзий относительно её осязаемости и осязаемости своих фантомов.

Преодолеть живущую в нем фаталистичность было невозможно, да и он сам не особо этого хотел, понимая, что уже не в силах вписаться в «нормальную» в расхожих понятиях «мещанскую» жизнь. Он не производил впечатления человека, который вот-вот покончит с собой, но и человеком, который собирается жить вечно, он казался в ещё меньшей степени. Тимченев — трудный поэт, со своей системой координат, но трудный с позиции академической или авангардистской, не совпадающий с ними, и прочесть его только предстоит — но ни с той точки зрения, ни с этой.

А это почти неразрешимая проблема для филологов: «Он никуда не вписывается». Как будто специально. И как писать о нём диссертации? В какой ряд его ставить? Да нет такого ряда.